

ВЕК XX: ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 1994 г., ЭО, № 3

Ю. В. А р у т ю н я н

ИСПЫТАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ (ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Политическое сознание исключительно важный, как бы результирующий индикатор социальной психологии народа. Что хорошо, что плохо в социально-политической жизни общества, коллектива, человека? К чему следует стремиться, чего избегать и отвергать, с чем надо решительно бороться? Множественные политические альтернативы, нередко противоположные политические ценности фиксируются в сознании людей, во многом предопределяя их социальное самочувствие, реальное поведение, влияя по существу на исторические судьбы общества.

Рабство, крепостничество, так называемая диктатура пролетариата, фашизм, демократия — ни один строй жизни, ни одна система социально-политических отношений не могут устойчиво сохраняться и функционировать, если (внедряемые изначально даже в той или иной мере насильственно) они не воспринимаются в конечном счете народами как разумные, целесообразные, в известном смысле отвечающие их жизненным интересам. Такое политическое сознание отнюдь не обязательно и чаще всего не подтверждается социальными реалиями, действительностью. Но оно всегда безусловно и активно внушается идеологией господствующих групп как единственно разумное, обоснованное и целесообразное. Без подобного осознания, в основе своей нередко ложного, никакая система не может сколько-нибудь устойчиво сохраняться и действовать.

Стоит ли при таком понимании этого феномена подробно останавливаться на вопросе о том, какое значение имеет социально-политическое сознание народа в исторических судьбах страны, общества, всего человечества? Тем более, если речь идет о таких крупных народах, как русский или американский.

Мировые войны, революции, могущие изменить социальную суть общества, широкие политические и экономические преобразования органически связаны с политическим сознанием народов «великих государств». Они имеют право вето не только де-юре, например в Совете Безопасности ООН, но и де-факто, реально влияя на социальные процессы в масштабах целых континентов.

Перемены в политическом сознании русских

Для судеб народов исключительно значима трансформация социально-политического сознания, которую мы наблюдаем в последнее время в разных сферах жизни русских. Эта трансформация со всей очевидностью отразилась на политической карте мира. Отнюдь не случайно, что за несколько лет рухнуло и было отвергнуто то, что создавалось Российской империей, а вслед за ней и Союзом ССР на протяжении ряда столетий. Отказавшись от претензий чуть ли не на мировое господство путем утверждения и развития лагеря социализма и «соединения пролетариев всех стран», в Москве неожиданно для многих провозгласили готовность принять суверенитет этнических по форме государственных

Таблица 1

Расселение русских в разных этнических средах

Территория	Все население (постоянное), млн. чел.	В том числе			
		русские	нерусские	русские	нерусские
		млн. чел.		%	
Российская Федерация	147,4	119,9	27,5	81,4	18,6
В том числе:					
Края и области	125,9	110,8	15,1	88,0	12,0
Республики, где русские составляют наибольшую по численности этническую группу*	11,4	6,0	5,1	55,3	44,7
Республики, где титульные нации составляют преобладающую по численности этническую группу**	10,1	3,1	7,0	30,7	69,3
Ближнее зарубежье	139,2	25,3	114,0	18,2	81,8
Украина, Белоруссия	61,9	12,7	49,2	20,5	79,5
Эстония, Латвия, Литва, Молдова	12,3	2,3	10,0	18,7	81,3
Грузия, Армения, Азербайджан	15,8	0,8	15,0	5,1	94,9
Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения	16,5	6,2	10,3	37,6	62,4
Киргизия	32,8	3,3	29,5	10,1	89,9
Все республики Российской Федерации и Ближнего зарубежья	286,6	145,2	141,4	50,7	49,3

* Башкирия, Бурятия, Калмыкия в 1970 г., Карелия, Коми, Марийская республика, Мордовия, Удмуртия, Якутия.

** Дагестан, Кабардино-Балкария, Калмыкия в 1989 г., Северная Осетия, Татария, Тувинская республика, Чечено-Ингушская республика, Чувашия.

Данные по численности населения коренных национальностей по территории их проживания рассчитаны по: Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 67; Народное хозяйство Российской Федерации. 1992 г. М., 1992. С. 82—86, 95—96; Справка Госкомстата РФ//Аргументы и факты. 1991. № 13. С. 1; Итоги Всесоюзной переписи населения в 1970 г. Т. 4. М., 1973. С. 61—151.

образований. Правда, при условии, что они, эти образования, того не только захотят, но и с предлагаемым суверенитетом «смогут справиться».

Возможно, здесь были допущены известные элементы фразеологии или, как было принято у нас в прошлом выражаться, «перегибы». Поэтому в реальной жизни не исключены некоторые «поправки». Впрочем, суть от этого не меняется — вековое наследие державы Российской перестало сохраняться. На первый взгляд, это случилось почти мгновенно, но именно на первый взгляд... На самом деле в течение многих лет, если не десятилетий, происходила глубокая трансформация имперских социально-политических ценностей, отразившаяся в сознании русского народа и подготовившая наблюдаемые ныне перемены.

Эти перемены можно обозначить краткой формулой: от монархического сознания — к классовому, от классового — к общечеловеческому. Классовое сознание, утвердившееся в нашей стране после Октября, являлось по существу не чем иным, как попыткой реанимировать абсолютизм. Она была обусловлена глубоким наследием традиционного по сути монархического сознания, исторически конкурирующего с идеологией примата имущественных отношений и правого равенства. Обновленная «пролетарская монархия», или «диктатура пролетариата», на самом деле — дикта-

Структура ответов на вопрос: «Какое развитие России представляется вам целесообразным?»

Состав опрошенных	В Союзе, %	Вне Союза, %
Россия: Москва	24	60
Саратов:	37	43
В том числе		
Рабочие:		
неквалифицированные	53	21
квалифицированные	45	43
высшей квалификации	29	55
Интеллигенция	30	44
Эстония(Таллинн)		
Русские	68	20
Эстонцы	1	97
Узбекистан(Ташкент)		
Русские	88	2
Узбеки	17	73

тура вождя партии, оказалась не наследуемой, но абсолютно ничем не ограниченной монархией. Она отменила то, что с трудом все же допускалось традиционным монархическим абсолютизмом, — элементы независимости развивающейся частной собственности на орудия и средства производства, которые создавали экономическую основу социальной самостоятельности собственников.

Однако чем бы ни питались монархический абсолютизм и фашизм, в современном обществе они долго просуществовать не могут. Рост образования, массовая интеллектуализация населения, которые неизбежно сопутствуют НТР, рано или поздно приводят к социально-политическому пробуждению народа, так как гипнотический эффект в массах, особенно при сбоях в «гипнотической службе», со временем притупляется. Именно это произошло у нас со смертью вождя в 1953 г. По существу тогда и было обозначено начало глубинной перестройки, открывшей перспективу широкой трансформации социально-политического сознания русских и других сопредельных народов.

Эта перестройка имела как бы два выхода, два взаимно дополнявших друг друга проявления — внутреннее и внешнее. Внутреннее в 1953—1958 гг. выразилось в массовой реабилитации «врагов народа», критике культа личности Сталина, духовной «оттепели», действительном внимании к благосостоянию народа, к сельскому хозяйству и экономическому стимулированию деревни, а в начале 1960-х годов — в паспортизации колхозников, т. е. по существу в правовой отмене колхозных крепостнических отношений. Такие глубокие перемены вскоре напугали «верхи», но вернуться к прошлому уже не было возможности. Несмотря на брежневские попытки восстановить погрязшие «святыни», вернуть Сталина в мавзолей оказалось не реально.

Унаследованной тоталитарной системе в новых условиях не оставалось ничего нового, как оказывать «классовое противостояние» «внешним врагам». Система обосновывала теперь свое существование преимущественно «угрозой мирового империализма». Причем эта «угроза», благодаря идеологической службе Центра, воспринималась как большая опасность не только русскими, но и большинством других советских народов, включая молдаван и грузин, которые вскоре после перестройки «откололись» от Союза¹. Во второй половине 80-х годов стали сказываться «износ» былых общесоветских ценностей и потеря «внешне-политического» звена коммунистического сознания, связывавшего, в частности,

Таблица 3

Структура ответов на вопрос: «Следует ли по отношению к республикам, отделяющимся от Союза, применять санкции?», %

Состав опрошенных	Экономические меры	Военные меры	Не следует	Затрудняюсь ответить
Россия(Саратов)				
Русские	34	5	44	17
В том числе:				
рабочие	37(41)	6	39	18
интеллигенция	32	1	54	13
Эстония(Таллинн)				
Русские	24	6	58	12
Эстонцы	0	0	97	3
Узбекистан(Ташкент)				
Русские	14	2	61	23
Узбеки	12	4	71	13

народы в Союз ССР. «Износ» этого звена и горбачевская идеология сущностного обновления системы ускорили распад СССР.

Как оценивали русские и другие народы перестроечные и послеперестроечные перемены в судьбах страны и прежде всего распад Союза ССР и утверждение российской государственности? При всей исторической обоснованности этих перемен они получили неодинаковую оценку не только у разных народов, но и среди русских в тех или иных государственных образованиях бывшего Союза, в частности в Российской Федерации и за ее пределами, где проживало 17,4% русских бывшего Союза.

Это несоответствие социально-политических оценок было вполне естественно. В России русские находились у «себя дома». Если не считать небольшого числа преимущественно южных, в прошлом автономных, республик, где в общей сложности проживало не более 7% населения РФ, русские в России составляли основную часть населения. Во всех союзных республиках, не исключая и Прибалтийские, они были в меньшинстве (см. табл. 1).

До тех пор пока союзные республики функционировали, подчиняясь союзным законам и порядкам, русские, будучи гражданами СССР, меньшинством себя там и не считали. Однако с распадом Союза ситуация в корне изменилась. Коренные и одновременно преобладающие по численности нации бывших союзных республик могли теперь претендовать на реальные государственные функции и права. Русским жить в этих республиках-государствах, не принимая их порядка, не зная языков, стало очень не просто. Тем более, что «республиканские» государственные установки в отношении русских и коренных наций бывших советских республик начали заметно расходиться.

Нерусские народы, исследуемые в 1991—1992 гг. в ОСУ², — эстонцы в Европе и узбеки в Азии — в большинстве (точнее, 97% эстонцев в Таллинне и 73% узбеков в Ташкенте) своем считали целесообразным развитие своих республик вне Союза, тогда как русские в этих республиках, особенно в Узбекистане, напротив, выражали предпочтение Союзу (см. табл. 2).

Развитие республик вне Союза, как видно из приведенных данных, русские в Узбекистане считали предпочтительным в самых исключительных случаях (2% выборов); в Эстонии чаще, но тоже в ограниченных пределах (20% выборов). Совершенно иной была позиция русских России. В оценках целесообразности перспектив развития России в Союзе или вне Союза они в большинстве своем солидаризировались не с русскими других союзных республик — Эстонии и Узбекистана, а с их «титовыми», коренными народами. В сознании большинства

Таблица 4

Ориентация на сокращение военных расходов в России, %

Состав опрошенных	Сокращать расходы		Приостановить сокращение расходов
	решительнее	осмотрительнее	
Россия(Саратов)			
Русские	29	55	7
В том числе			
Рабочие:			
неквалифицированные	13	72	3
квалифицированные	29	43	7
высококвалифицированные	32	53	6
Интеллигенция	30	54	8
Эстония(Таллинн)	16	64	13
Эстонцы	93	5	0
Узбекистан(Ташкент)			
Русские	32	49	10
Узбеки	35	42	9

русских России Союз не являлся нужным государственным образованием. Причем в группах квалифицированных, как показывают данные, отрицание Союза было даже несколько выраженнее, чем в группах неквалифицированных (см. табл. 2).

Важно подчеркнуть, что несмотря на заметные «территориальные» вариации установок русских на Союз, все они сходились в одном: каковы бы ни были цели, добиваться их реализации и утверждения Союза можно лишь мирным путем. Для сохранения Союза, как считало абсолютное большинство опрошенных, нельзя использовать силу, армию (см. табл. 3). Характерные для прошлого культы армии, обороны, установка — «если завтра война, будь сегодня к походу готов» «затухли» во всех категориях населения. А ведь еще сравнительно недавно — в 1980-е, не говоря уже о 70-х годах, — все было наоборот. Все или почти все, причем не только русские, поклонялись обороне³.

Перемены в массовом сознании стали весьма заметны. В этом вопросе, независимо от вариаций установок на Союз, среди русских не было никаких территориальных различий. И те, кто выступал за сохранение прежнего Союза, и все остальное русское население в большинстве своем отрицали теперь правомерность использования военных средств для решения политических проблем. Установки русских в этом отношении и в странах Ближнего зарубежья, и в России мало различались. Слабо проявились и социальные различия (см. табл. 3).

В менее квалифицированных группах сильнее инерционность мышления и соответственно осторожнее даже общая ориентированность на сокращение военных расходов (см. табл. 4).

Возможно, здесь сказывается и отсталость — консерватизм в сознании. Элементы консерватизма, традиционализма (не в лучшем смысле этих слов) хотя и влияют на политическое мышление, но не могут все же помешать его сущностной трансформации. В нашем исследовании это четко обозначилось в переменах основных политических установок на «оборону», «идейность», «порядок», занимавших в прошлом особое место в системе ценностей советских людей.

До перестройки — в 70-е годы и даже в первой половине 80-х — особое место в сознании советских людей занимала прежде всего оборона. Люди слепо верили в необходимость сохранения «железного занавеса» и противостояния «мировому

Таблица 5

Выбор проблем первостепенной важности русскими, % ко всему взрослому населению *

Город, год исследования	Оборона	Национальная культура	Демократия
Россия			
Саратов 1980	78	9	14
Москва 1987	56	12	36
Саратов 1991	24	26	42
Москва 1992	21	32	42
Эстония(Таллинн)			
1987 русские	25	22	53
1991 русские	20	35	41
1991 эстонцы	22	27	51
Узбекистан(Ташкент)			
1987 русские	52	11	37
1991 русские	9	27	48
1991 узбеки	33	52	26

* Фиксируются фактически ответившие, поэтому в сумме нет 100%

капитализму». Естественно, «развитие оборонной мощи страны», «идейное воспитание молодежи», «укрепление дисциплины» занимали тогда исключительное место в их сознании как задачи особой военно-политической важности. Именно эти цели выделялись как первоочередные русскими, где бы они ни находились, многократно опережая по значению в их сознании такие включенные для выбора в ОСУ установки-задачи, как «экономический прогресс», «развитие демократии» и «вовлечение масс в управление». Только у художественно-творческой и научно-гуманитарной групп интеллигенции, а они составляли менее 1% населения, «демократия» оценивалась почти так же, как и «оборона»⁴.

Во второй половине 80-х годов в ходе перестройки стереотипы массового сознания стали принципиально меняться. В конечном счете существенный качественный сдвиг был обозначен в постепенном выделении «демократии» в число первоочередных по значимости проблем.

Наше исследование четко отразило эти повсеместные перемены в общественно-политическом сознании русских и других «сопредельных» народов бывшего Союза ССР. Если в 70-е и начале 80-х годов даже в крупных российских городах «военные» («оборонные») ориентации многократно превосходили вместе взятые выборы «демократии» и «национальной культуры», то во второй половине 80-х годов «оборонные» ориентации стали постепенно выравниваться с «демократическими», а затем и вовсе уступили свое доминирующее положение установкам «на демократию».

В 1988 г. в Эстонии, а в начале 90-х годов повсеместно, где осуществлялось ОСУ, установка на демократию оказалась преобладающей (см. табл. 5).

Установки на «оборону», мотивируемые необходимостью «противостояния империализму», в какой-то мере отражали традиционную «классовую» идеологию, тогда как предпочтение (выбор) «демократии» скорее свидетельствовало о доминанте в сознании общечеловеческих гуманных ценностей. Поэтому не случайно выделенные ценности в известной мере варьировали по профессиональным и по возрастным группам русских. Чем ниже люди по своему социально-профессиональному статусу и старше по возрасту, тем сильнее были в них «классовое сознание», приверженность к традиционным установкам на «оборону» и сдержанность в отношении «демократии»⁵ (см. табл. 6).

Таблица 6

Политические ориентации русских: проблемы первостепенной важности по мнению москвичей, %
по каждой группе

Социальный статус и возраст	Оборона	Национальная культура	Демократия
1987 г.			
Неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие	72	6	22
Высококвалифицированные рабочие индустриального профиля	65	9	28
Интеллигенция	44	14	49
1992 г.			
Неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие	36	23	32
Высококвалифицированные рабочие индустриального профиля	32	23	43
Интеллигенция	17	37	39
18—39 лет	13	33	45
40—49 »	19	38	41
50 и старше	30	28	39

При всем консерватизме пожилых и тем более малоквалифицированных групп и среди них в конце 80-х годов сдвиги были довольно заметны. Ведь их сбалансированные в основном выборы «обороны» и «демократии» (см. табл. 6) в 70-80-е годы были характерны лишь для отдельных немногочисленных групп интеллигенции. Таким образом, за очень короткий срок, как показывают данные, «во всех срезях» произошло существенное изменение общественно-политического мнения и ориентаций, характерных для недавнего прошлого.

Испытания демократии

Утверждавшаяся в стране молодая демократическая система сразу же стала подвергаться тяжелым испытаниям политического и экономического характера. Спад производства, снижение уровня материального благосостояния, рост преступности, раскол Союза ССР, национальные амбиции и межнациональные войны сопровождали мучительные роды нового общества.

Такие спутники обновления системы никак не отвечали чаяниям вышедших из гипнотического транса народов. Причем социальное состояние русских определялось не только и даже не столько реальным положением (оно в целом в конце 80-х и до начала 90-х годов было достаточно терпимым), сколько глубоким разочарованием в перестройке и крахом надежд и массовых ожиданий обновленной, «хорошей жизни». То, что это была травма не столько реальная, сколько психологическая, убеждает сравнительный анализ благосостояния населения и массовых оценок ситуации.

Имущественное положение русских, во всяком случае до последнего времени, не очень сильно страдало. Благосостояние народа, как об этом свидетельствовали и государственная статистика, и наши материалы (ОСУ), не только сохранялось, но вплоть до конца 80-х годов даже несколько улучшилось. Например, потребление мяса в расчете на душу населения выросло с 62 кг в 1986 г. до 66 в 1988 г. и 67 в 1990. Медленно, но все же продолжали улучшаться жилищные и бытовые условия жизни.

Тем не менее в конце 80-х годов в России и за ее пределами все острее начала ощущаться неудовлетворенность всеми сторонами жизни — работой, заработком, условиями жизни.

Если в 80-е годы, а тем более в 70-е в России и в республиках своей работой была удовлетворена большая (преимущественная) часть населения, то в наше время (ОСУ — 1991—1993 гг.) «удовлетворенных» оставалось все меньше и меньше. Особенно резко обозначилось недовольство медицинским обслуживанием, торговлей, транспортом, условиями быта. В 90-е годы положительные оценки собственной жизни повсеместно сменились — они стали безусловно отрицательными. Если еще в 1988 г. 48% москвичей считали, что их жизнь «с течением времени становится лучше», то в 1992 г. лишь 4% выразили (сохранили) такие оптимистические оценки. Тот же самый результат среди русских наблюдался и в других местах, где проводилось исследование, — Саратове, Ташкенте, Таллинне.

В сознании народов перестройка как бы обозначилась следующими «фазами»: сначала «большие ожидания и надежды», в конце 80-х годов «массовое сомнение» и в конечном итоге «глубокое разочарование». При устойчивом социальном пессимизме населения новая система политических отношений и демократических ориентаций, естественно, стала подвергаться серьезным испытаниям.

Если приглядеться к приведенным выше данным ОСУ (табл. 6), то нельзя не заметить появившиеся в последнее время «тормозные» элементы в прогрессивной трансформации общественного мнения. Конечно, реставрации «оборонных» установок не произошло. Авторитет «обороны» в 90-е, как и в 80-е годы падал достаточно быстро. Но если в 80-е он «возмещался» прежде всего установкой на «демократию», то в 90-е годы в значительной мере на «национальную культуру».

Интенсивность выборов «демократии» русскими с конца 80-х и до начала 90-х годов росла довольно скромно, а среди русских в Эстонии, например, ценность «демократии» в это время даже упала. Выборы же «национальной культуры» резко возросли, как бы вступив в конкуренцию с «демократией» (см. табл. 6). Подобные результаты среди русских наблюдались везде, где проводились исследования. Достаточно выражены они были и в российских городах, выделенных для опроса ОСУ.

Чтобы оценить происходящие в России изменения, лучше всего для наглядности представить их графически, основываясь на данных табл. 5.

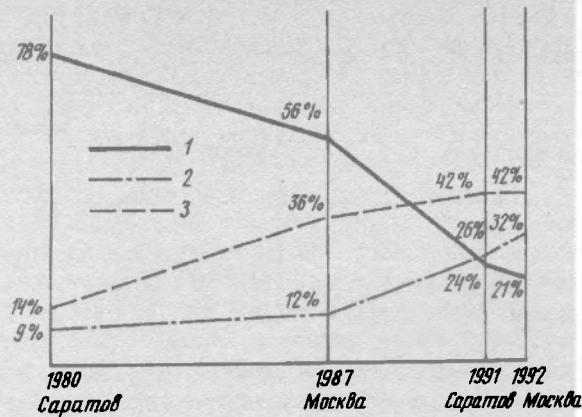
Кривая «обороны», как мы видим, неуклонно и довольно резко снижается, причем здесь нет никаких перемен и в 90-е годы. Выборы «демократии» и «национальной культуры» растут, но далеко не одинаково. Вначале опережающие темпы роста были у «демократии», затем со всей очевидностью у «национальной культуры». Замедление приверженности к «демократии» и стало, по-видимому, результатом неизбежного разочарования масс, для которых демократические преобразования в стране не дали ожидаемого эффекта.

Вместе с тем «оборона» настолько дискредитирована, что реабилитация ее, во всяком случае пока, оказывается невозможной. В итоге начинают сказываться негативные, как бы реваншистские «национальные» ценности, и среди них не в последнюю очередь достаточно выраженный национализм.

В нашем исследовании национальные ориентации фиксировались разными средствами. В «наборе» проблем первостепенной важности этой цели служил в какой-то мере выбор «национальной культуры».

Конечно, понятие «национальная культура» недостаточно определенное, поскольку в него можно вкладывать самый различный смысл. «Национальная культура» может восприниматься и как органическая часть общечеловеческой культуры, и как олицетворение (институция) национальной исключительности и этнического превосходства в общей системе цивилизации. По данным ОСУ, свидетельствующим о моде на «национальную культуру», нельзя судить о внутреннем смысле новых предпочтений. Тем не менее большая частота выборов «национальной культуры» указывает на возрастающий потенциал «национально-культурных» установок, которые могут быть в том или ином виде использованы в национально-политических движениях.

«Память», «Русское национальное единство», «Русская партия», значительные группы Фронта национального спасения и другие националистические или

Динамика социальных ориентаций населения Москвы и Саратова. 1 — оборона, 2 — национальная культура, 3 — демократия

фашиствующие организации пытались именно в этом плане использовать симптомы оживляющегося национального сознания.

В целом плацдарм для оживления национального сознания в стране достаточно велик, но тут возможны разные проявления, в известной мере даже контрастные друг другу. Вполне реальны (до сих пор они занимали доминирующее положение) достаточно приемлемые, условно говоря, здоровые формы национального самосознания. В рамках этих форм преимущественно и в прошлом развивалось наше общество, поддерживавшее национальные чувства, но не в жестких проявлениях национального противостояния и конфликтов.

В ОСУ подобные установки в какой-то мере выяснялись с помощью вопросов о национальных ориентациях альтернативного порядка и как бы возрастающей жесткости. «Умеренные» группы, которые укладываются в рамки, условно говоря, национального патриотизма, определялись посредством выяснений их самооценки принадлежности к своей нации. В этом плане среди русских выявлялись две сравнительно умеренные группы. Первая — это те, кто считал, что «важно чувствовать себя частью своей нации», вторая — более категоричная, но не выходящая за границы интернационального понимания и признания других народов, — те, кто «никогда не забывал, что является русским человеком». В Москве подавляющее большинство русских $\frac{2}{3}$ (64%) имели достаточно выраженное национальное самосознание, считая важным «чувствовать себя частью своей нации», 38% выражали еще более активные национальные чувства, «никогда не забывая, что они являются русскими людьми» (данные С. В. Рыжовой).

Далее в исследовании выделялись те группы, которые выходили за границы, условно говоря, допустимого национального самосознания. Им были присущи достаточно агрессивные настроения воинствующего национализма. В ОСУ к их числу можно причислить тех, кто стремился к национальному обособлению, поддерживал вооруженное участие русских в борьбе за Приднестровье, выступал против национально-смешанных браков, считая их безусловно нежелательными, и т. п.

Такого рода националистические ориентации среди русских отнюдь не были доминирующими. Одобрение действий казаков, которые «приехали из России с оружием в руках отстаивать районы, заселенные русскими в Молдавии», высказало 29% москвичей. Этот показатель совпал с показателем тех, кто считает нежелательными национально-смешанные браки. По данным 1992 г., 29% русских-москвичей отдавали предпочтение бракам с людьми своей национальности, что несколько больше, чем было в недавнем прошлом. В 1987 г. эта группа составляла 18%. Но негативное отношение к национально-смешанным бракам не было категоричным. Те, кто безусловно отрицал такие браки, среди русских были в небольшом числе — в пределах 7—8% москвичей.

Таблица 7

Отношение москвичей и жителей Саратовской обл. к частной собственности, %

Частная собственность	Москва, 1992 г.	Саратовская обл., 1991 г.	
		Саратов	села
В торговле и сфере услуг	75	73	38
На землю	71	66	26
На промышленные предприятия	55	45	20

Полученные данные позволяют сделать вывод, что русские в столице «закрыты» для отрицательных политических стрессов и настроений. Закрыты пока или навсегда — сейчас трудно сказать. Угрозы националистических массовых проявлений, препятствующих демократическому развитию, судя по аналогичным с Москвой данным других регионов, во всяком случае в настоящий момент, в стране нет.

Другим возможным источником срыва демократического развития может быть воссоздание коммунистических традиций. Судя по информации последних двух лет, коммунистическое влияние приобретает известную почву у населения. Однако пока, несмотря на симптомы возрождения коммунистического влияния, возможности реанимации традиционного партийного сознания, как свидетельствуют материалы ОСУ, в стране ограничены. Исторический опыт настолько дискредитировал коммунистическое движение, что оно не имеет у нас сейчас достаточно твердой почвы. ОСУ свидетельствует о снижении в стране авторитета партийной идеологии, безраздельно властвовавшей и регулировавшей сознание наших народов на протяжении нескольких десятилетий. Еще в начале 80-х годов в Саратове, например, авторитет Ленина был выше, чем всех вместе взятых деятелей науки, культуры, исторических и политических деятелей в масштабах всего человечества. Уже по данным за 1991—1992 гг., признание заслуг классиков марксизма-ленинизма свелось почти на нет.

Естественно (соответственно), потерян и былой организационный авторитет партии. В ОСУ задавался вопрос о необходимости партийных организаций на предприятиях и в учреждениях. Даже в 1991 г., когда эти организации еще не были ликвидированы, целесообразность их функционирования признавалась в самых исключительных случаях: в Саратове так считали около 7% русского населения, в Ташкенте — 9%, в Таллинне — 12%. С провалом перестройки авторитет компартии, хотя и рос, но заметного перелома в этом отношении не произошло. По данным ВЦИОМ, среди жителей российских городов в феврале 1993 г. только 11% горожан считали, что «компартия должна вернуться к власти»⁶.

Чем же новая система общественных отношений у нас теперь заполняет образовавшийся вакуум социально-политического сознания русских? Дискредитация традиционной коммунистической идеологии и вместе с тем неприемлемость националистического сознания делают этот вопрос исключительно значимым для понимания как нашей действительности, так и перспектив социально-культурного развития общества. Бросается в глаза попытка нового руководства страны заполнить образовавшийся вакуум традиционными русскими историческими и духовными ценностями. Естественно, что в этих условиях особое внимание уделяется религии, довольно влиятельной в досоветской России. Несмотря на то что за годы советской власти авторитет религии всячески подрывался и лишь сравнительно малые группы, в основном престарелого населения, придерживались религиозных установок, этот духовный потенциал и теперь оказался достаточно емким. Число верующих, начиная со второй половины 80-х годов, стало у нас быстро возрастать.

В 1987 г. 20% москвичей были в той или иной мере религиозными (в ОСУ в 1970—1980 гг. верующие учитывались вместе с «колеблющимися»). К 1992 г. число верующих среди жителей столицы возросло до 64%, в том числе 34% среди них фиксировались как «колеблющиеся».

Несмотря на заметные сдвиги в этом отношении, верующие среди русских все же не составляют большинства населения. К тому же вряд ли религия в состоянии ответить на все значимые духовные запросы современного человека. Материалы ОСУ свидетельствуют, что интенсивностью социальных отклонений и выраженностью социального пессимизма верующие мало чем отличаются от других групп населения. Таким образом, духовный потенциал не может быть восстановлен за счет религиозности, тем более довольно поверхностной.

Другой источник социальной компенсации и утверждения оптимизма в общественном сознании связан с идеологией новых имущественных отношений и частной собственностью, что в советскую эпоху отрицалось даже более категорично, чем религиозность. Но и здесь возможности ограничены. Население в основном признает допустимость развития частной собственности в торговле; несколько сдержаннее оно ориентировано на реализацию частнособственнических отношений в сельском хозяйстве, а тем более в промышленности. Особенно консервативно сельское население, на котором, возможно, до сих пор сказывается наследие «общинной» психологии (см. табл. 7).

Многие из тех, кто признает целесообразность реабилитации частной собственности, считают, что ее все же следует ограничивать. Против ограничения частной собственности выступают сравнительно небольшие группы русского населения: 38% в Москве (1992 г.) 23—24% в Саратове и селах Саратовской обл., 37% в Ташкенте, 41% в Таллине. При этом в установках на собственность весьма заметно проявляются этнические особенности, связанные с историческими традициями народов. Русские за неограниченную частную собственность высказываются несколько чаще, чем узбеки (Ташкент), но значительно реже, чем эстонцы (Таллинн). Об этом свидетельствуют приведенные ниже данные:

Население, ориентированное на неограниченное развитие частной собственности, % ко всему взрослому населению, 1991 г.

Таллинн		Ташкент	
Все население	41	Все население	37
Эстонцы	59	Узбеки	31
Русские	25	Русские	38

Дело, однако, не только в границах распространенности новых установок. Установки на собственность довольно «заземлены», что притупляет устойчивость и действенность духовных принципов и духовных начал в социальном поведении людей (народов). Довольно четко проявляется это в культе «материального достатка», что мало свойственно было русским в прошлом, хотя жизнь их никогда не отличалась изобилием. ОСУ убедительно свидетельствует, что за короткий отрезок времени в этом плане произошли существенные перемены.

Еще в 80-х годах, отвечая на вопрос: что означает «хорошо жить», подавляющее большинство русских указывали на «интересную работу», то теперь, безусловно, выделяют прежде всего «материальный достаток». Об этом свидетельствуют данные по Москве и Саратову (в %).

	Интересная работа	Материальный достаток
Москва		
1987 г.	47	30
1992 г.	40	57
Саратов		
1981 г.	51	33
1991 г.	27	73

Таблица 8

Структура ответов на вопрос: «Что может улучшить положение?», % ко всему взрослому населению. 1991—1992 гг.

Состав опрошенных	Рынок	Порядок	Демократия
Москва (1992 г.)			
Все население	59	34	35
В том числе:			
Группы:			
квалифицированного труда	27	50 }	27
квалифицированного индустриального труда	49	45 }	
Специалисты	66	30 }	41
Руководители	70	28 }	
Саратовская обл. (1991 г.)			
Саратов	58	20	39
Села	29	58	9

Как же добиться «хорошей жизни», ее улучшения? Независимо от того, что понимают люди под «улучшением», они в первую очередь в большинстве своем выделяют в качестве средства достижения этой цели «рынок», «демократию», «порядок». И в этих выборах заметно сказываются социальные различия. Для горожан проблемы решаются в первую очередь за счет «рынка», затем «демократии» и «порядка». Для сельских жителей исключительно значим «порядок», затем «рынок», а «демократия» как средство улучшения жизни ими всерьез вообще не воспринимается (см. табл. 8). При этом чем квалифицированнее группы, тем существеннее для них роль экономических («рынок») и политических («демократия») свобод. Чем менее квалифицированы группы, тем заметнее среди них культ «порядка».

Некоторые итоги и перспективы политического пробуждения

Насколько устойчивы выборы (ориентации) политического сознания? Четко ответить на этот вопрос может только время. Но уже сейчас очевидно, что самым суровым испытаниям подвергается «демократия», а вслед за ней и «рынок». Эти поля служат плацдармом и одновременно объектом жесткой политической и идеологической битвы прогрессивных и реакционных сил. К каким результатам приведет это противостояние? Какие результаты уже сегодня очевидны? Прогрессивные политические сдвиги колоссальны, но при этом они не всегда достаточно осознаны. Для оценки их необходим временной исторический интервал, хотя и теперь можно получить в этом плане некоторые представления.

По существу ныне вполне обозначилась преемственность в прогрессивном политическом развитии России, элементы которого стали робко проявляться в истории страны на рубеже XIX—XX столетий с отменой крепостного права, появлением новой системы экономических (имущественных) отношений и демократизацией власти в лице Государственной Думы, затем Временного правительства и Учредительного собрания. Именно сейчас мы, возможно, выходим из той глубинной политической пропасти, в которой, загнанные Октябрем, находились в течение 70 лет.

Безусловно, в этом историческом движении пока очень далеко до триумфа. Гигантские сдвиги очевидны, но очевидны и жесткое противостояние, и огромные трудности, если не бедствия...

В этом отношении очень важно более конкретно представить себе, что «уже есть», достигнуто и «чего нет», что требует внимания и ждет решения. На социальной арене огромным результатам, сдвигам и переменам противостоят страшные бедствия и сложности, требующие не просто внимания, а мобилизации всех сил, качественно новых решений. Это можно выразить примерно так:

Изменения в социальном противостоянии, 1990-е годы

Прогрессивные	Регрессивные
Международные отношения	Этнические отношения
Обновление духовного климата (гласность и пр.)	Национализм, фашистская идеология
Экономическая инициатива, новые отношения собственности	Экономический упадок
Внутриполитическая свобода, демократия	Внутриполитическое агрессивное противостояние

Значение, перевес прогрессивных изменений настолько очевиден, что не требует комментариев. Чего стоят, например, одни только перемены в международных отношениях, благодаря которым была снята угроза всеуничтожающей межконтинентальной ядерной войны?

Прогрессивные сдвиги столь масштабны, что они, если быть объективными, искупают, «покрывают» в значительной мере все сложности, обозначенные выше как «регрессивные перемены». Это, конечно, отнюдь не значит, что с социальными «бедствиями» нужно мириться. Зависит ли что-то от нашего осмысления происходящих процессов? Нет ли здесь издержек (в представлениях), которые должны быть преодолены? То, что такая постановка вопроса правомерна, можно проиллюстрировать одним весьма важным примером, связанным с «этническими отношениями». Представляется, что помимо объективных сложностей свой «вклад» в обострение национальных отношений внесла наша социальная практика и мысль, преувеличивая значение этнических факторов в развитии России. Чтобы представить себе в этом плане общую ситуацию, обратимся к статистической информации, иллюстрирующей этническую структуру населения в России.

Основная часть административно-территориальных образований Российской Федерации — области и края, где проживает до 85% населения РФ, — по сути своей мононациональны: до 9/10 их населения составляют русские⁷. В прошлом автономных республиках живет всего 15% населения Российской Федерации, причем русские и здесь являются преобладающей частью населения. В республиках, где русские не составляют большинства, главным образом на Северном Кавказе, проживает лишь 7—8% населения РФ. Поэтому понятие «многонациональная» Российская Федерация, широко используемое в печати и воспринимаемое нередко почти адекватно понятию «многонациональный Союз ССР», теряет реальный смысл. Более того, оно стимулирует и преувеличивает этническую дифференциацию, овеванную культот национальной атрибутики.

Такое демократическое и «интернационалистическое», на первый взгляд, направление курса Центра на самом деле оказалось опасным, так как создало почву для провоцирования национальной междуусобицы. Кроме того, оно породило центробежные тенденции даже в российских областях и регионах, власти которых иной раз небезосновательно завидуют премированию «владельцев» национальной атрибутики. Естественно, в такой ситуации и в сугубо русских территориальных образованиях может возникнуть желание приобрести «республиканский статус» и с его помощью закрепить за собой политические, социальные и одновременно, попросту говоря, должностные и финансовые преимущества. Безусловно,

Центр принимал такие сомнительные направления в области национальной политики не по наивности или недостаточной национальной грамотности, хотя последнее всегда имело место. У Центра по-видимому, имелись и «высокие» политические цели: «усреднить» не только национальные республиканские атрибуты, но и нормы поведения руководства — управления и подчинения распространить, например, «нормы» Мордовии или Удмуртии на такую «неполную» республику, как Чечня. На деле результат оказался обратным. Не только «свои» республики типа Мордовии, но чуть ли не областные образования Российской Федерации, воодушевленные опытом «независимых республик», начинали претендовать на «святость» «независимых государств» — на их права и преимущества.

Чем дальше, тем больше. Центр, конечно, чувствовал опасность своего «щедрого» политического направления и искал возможности использования тормозных механизмов. Однако с течением времени все труднее становилось найти приемлемые для всех решения, тем более, что условия (возможности) в этом плане в разных регионах все больше осложнялись и дифференцировались.

Чтобы представить себе общие и отличительные (своеобразные) черты в социально-этнических образованиях РФ, попробуем, используя приведенную статистическую информацию, типологизировать республики, хотя бы в самом общем (крупном) плане. В качестве критериев такой типологии расселения и поведения можно выделить различные факторы: исторические, правовые, этнодемографические, этнокультурные, социальные и, наконец, экономические.

Исторические сами по себе несут не столько реальную, сколько «психологическую» или, точнее, «идеологическую» нагрузку. Они выражают претензии и сознание права «исторического» наследия на ту или иную территорию.

Государственные критерии, точнее, правовые факторы также достаточно условны по своему происхождению. Но они играют чуть ли не решающую роль в распределении «территориального» наследия. Наиболее скромное место в этом плане занимают области и края РФ, хотя и они начинают ныне претендовать порой на республиканский статус. Такого рода претензии только появляются, и можно надеяться, что они не будут в «нереспубликанских образованиях» — в областях и краях — юридически закреплены. Для республик же «национальная государственность» как бы уже пройденный этап. И государственные конституционные формы в республиках теперь выражены гораздо определеннее, чем в недавнем прошлом.

Тем не менее решающую роль в позициях, характере государственных и территориальных образований играют и должны играть не эти довольно условные «исторические» и «правовые», а реальные факторы — социальные и этнодемографические: численность, социальная структура и культура проживающих здесь народов. Тот факт, что русские в подавляющем большинстве регионов, включая многие республики, преобладают численно, имеет важное значение для сохранения Российского государства и преодоления «исторических» и «правовых» претензий на государственное обособление республик.

Там же, где русские не в большинстве, а таких республик — половина, даже сохранение «статуса» объекта федерации иногда может оказаться условным и, как в Чечне, затруднительным. Исчезновение статуса национально-государственного образования, фактически выход республики из федерации, тем заметнее, чем больше это стимулируется этническим своеобразием, социальной конкуренцией и борьбой за приоритетные роли в социальных и экономических сферах жизни.

Немаловажное значение имеет экономический потенциал тех или иных республиканских и даже административно-территориальных образований. Однако действие этих, условно говоря, экономических «факторов федерации» далеко не всегда подчинено логике. Приоритет в решениях и позициях часто принадлежит

не фактическим социальным и экономическим, а весьма условным и даже сомнительным по своему значению обстоятельствам. На статус «равноправных» с Россией, в прошлом автономных республик, подчас претендуют теперь те, кто в наибольшей степени зависит от федеративных финансовых дотаций. И напротив, подавляющее большинство российских «рядовых» территориальных образований — областей и краев, выплачивая большие федеративные налоги, получают, по оценкам специалистов, гораздо меньше, чем дают сами⁸.

Все это свидетельствует об алогизме этногосударственной структуры нашего общества, наследующего результаты абсолютистских решений тоталитарной системы прошлого. Использованные декорации государственности — «автономной» и даже «союзно-республиканской» — не имели в то время реального значения. Теперь же эти в прошлом чисто номинальные образования оказывают влияние на национальное сознание, приобретают реальный смысл, и с этим приходится считаться. Разумеется, в данной статье мы не претендуем на решение спорных этнических проблем, но одно очевидно — чем меньше иллюзий и ложных тезисов в постановке возникающих этнополитических проблем, тем доступнее и реалистичнее оптимальные выходы из создавшегося положения.

Примечания

¹ Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987. С. 189.

² Используемая в статье информация без ссылок приводится по материалам ОСУ, представительным для изучаемых народов — русских, эстонцев, молдаван, грузин, узбеков. Исследование ОСУ осуществлялось на основе массовых опросов населения с равным временным интервалом (1971—1974, 1980—1982, 1991—1993 гг.) в одних и тех же республиках — Российской Федерации, Эстонии, Молдове, Грузии, Узбекистане. Выборка в селах производилась по хозяйственным книгам, в городах — по избирательным спискам или домовым книгам, где обозначены пол и возраст лиц старше 18 лет. Выборка была многоступенчатой: в городах выделялись районы, избирательные участки, дома; в селах в разных пропорциях были представлены все социально-профессиональные и возрастные группы, которые при обработке на ЭВМ выравнивались в необходимых пропорциях. О методике исследования, выборке и инструментариум см.: Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. (Программа, методика и перспективы исследования) // Сов. этнография, 1972. № 3. С. 3—18; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы исследования, М., 1984; Русские. О методике исследования. М., 1992. С. 452—462.

С 1993 г. реализация программы исследования ОСУ — экспедиции, опрос, обработка материалов — осуществлялась благодаря финансовой поддержке Фонда фундаментальных исследований РАН.

См.: Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987. С. 189—193.

³ Там же.

⁴ Ближе к востоку у народов заметнее выражались консервативные установки, что сказалось, например, на структуре ценностных ориентаций узбеков. У них «демократия» даже в 90-е годы уступала место «обороне» и тем более «развитию национальной культуры».

⁵ Московские новости. 21 февраля 1993 г.

⁶ В 45 государствах Европы и Азии, которые принято относить к «моноэтническим», или «однонациональным», средняя доля основного для данной страны этноса составляет 85% населения. Газета «Сегодня». 1994. № 1.

⁸ См.: Смирнов Л. Политический федерализм против экономического // Сегодня. 1994. № 28.

Reliability Test of the Russian New Political Consciousness (ethnological research)

Recent statistically valid sociological survey of Moscow and Saratov region population reflects the democratization and demilitarization of the consciousness of Russians. The danger of existing vacuum in the realm of social-political values is underlined, and the necessity for societal integration on the base of common human ideals, not on ethno-national ones is substantiated.

Yu. V. Arutyunyan